

Лев Дуров: «Все мечтают о главном режиссере — отце родном...»

-У меня такое ощущение, что все, что у нас сейчас происходит, кому-то выгодно, кто-то специально подкидывает дрова в костер. Как в добрые сталинские времена появилась статья в «Правде» — «Сумбур вместо музыки» и — фас! — началась травля талантливых композиторов. Сейчас защищают вроде бы талант от бездарности: затравили гения... Бронная — опасная для режиссеров улица... остались в репертуаре пять жалких спектаклей... Кстати, эти «пять жалких спектаклей» — мои, мной поставленные; мы давно открыли новый сезон, и они идут с аншлагами.

Журналисты, как правило, демонстрируют полное незнание предмета и позволяют себе чудовищный, недопустимый тон в обсуждении тонких и урпких материй творчества.

Ну кто сомневается в том, что Женовач — способный человек, человек театра? Но тенденция общего захваливания, зазвучавшая в прессе, ему не на пользу. Ни Эфрос, ни Любимов, ни Ефремов никогда не получали таких статей, какие он имел в самом начале творческого пути. Если все время гово-

рить художнику, что он великий, он действительно уверует и начнет терять самоконтроль.

С театральными критиками всегда сложно. Либо крайности: от огульного захваливания до битья наотмашь, либо раздача слонов, то бишь «масок», заранее предрешенная, с наградами, достающимися тем, кто их же выдумывает. Я очень хорошо отношусь к нашей актрисе Наде Маркиной, но признать ее работу в «Пяти вечерах» лучшей за сезон и назвать ее актрисой года — это уже чересчур!

Или сравнивать Женовача с Эфросом?! Это же смешно... Яркий страстный театральный Эфрос и — литературные студенческие опыты, библиотечный театр, как однажды, по-моему, очень точно Олег Павлович Табаков назвал спектакли Женовача. Зато сам Сергей Васильевич уж о себе иначе, как «я — европейский режиссер», не говорит.

Но не в этом сейчас дело. Существуют факты и измышления вокруг них.

Когда Сергей Васильевич пришел в театр, его самого и новых артистов приняли замечательно, хотя было не просто в сложившийся коллектив взять сразу двенадцать новичков. Было общее оживление и надежды. Театр, директо-

Театральным развод

Был ли Женовач троянским конем?

Бронная — опасная для режиссеров улица

Век. Москва. — 1998 — 27 авг. — с. 11

В конце прошлого года («ВМ» — еженедельник № 47, 20—26 ноября) в интервью нашей газете Лев Дуров впервые публично высказался о противоречиях, вызревающих в Театре на Малой Бронной о своих претензиях к Сергею Женовачу, дававшим в то время пост главного режиссера.

К окончанию сезона скандал запылялся, пройдя все обычные для подобных ситуаций этапы: общее собрание коллектива, расторжение контракта, шумный уход Женовача из театра...

С режиссером ушли пятеро его артистов, а с ними исчезли из репертуара все спектакли, поставленные Женовачем на Бронной. Шум громко хлопнутой двери был многократно усилен прессой.

Наша газета (№ 156, 14 июля), опубликовав два разных взгляда на эту проблему, предложила всем, кому театральным конфликт кажется действительно важным, высказаться. Напомним, что дискуссия открыл Борис Поноровский («ВМ» — еженедельник № 31, 30 июля). Сегодня слово ведущему артисту и режиссеру Театра на Малой Бронной, народному артисту СССР Льву Константиновичу Дурову.

ра им упрекнуть не в чем. Актеры Тарамаяев, Розанова по ходатайству театра получили почетные звания. Женовач, Маркина благодаря хлопотам нашего директора получили столичную прописку, бесплатные квартиры. Женовач стал лауреатом многих престижных премий. Благодаря нам, а не вопреки. Он ставил, что хотел, с кем хотел, приглашая любых художников, балетмейстеров; ни одно из его постановочных требований не отвергалось. «Спасибо, что приютили», — говорили нам участники группы, когда мы их приняли в коллектив. Был общий праздник! Потом Ира Розанова в интервью сказала: душно Женовачу жить в коммуналке... Но ведь это же мы ради вас потеснились! Вы же захотели разделить общую квартиру, семью, лицевые счета... Это вы стали устраивать отдельные келейные собрания, отказывались по разным причинам участвовать в спектаклях других режиссеров! Создали отдельный театр в другом театре. Что же это было — троянский конь? Попытка захвата?

Я поддерживал Сергея Васильевича. Он мне первому сказал о том, что хотел бы стать главным режиссером нашего театра. Спросил, не возражаю ли я? Не хочу ли сам возглавлять театр? Ни в коем случае,

ответил я ему. Я тогда спросил: какими будут ваши первые шаги? Он мне ответил: будем создавать семью, ездить на гастроли... Он ведь тогда уже знал труппу, два года с ней работал. И мне сказал: замечательная труппа, сильный директор, никого не буду трогать. Была речь «не мальчика, но мужа». Что же, это было коварство? Ведь не сделано было ни одной попытки объединить коллектив.

Я — очередной режиссер. За два года Сергей Васильевич не обратился ко мне с естественным вопросом: что вы собираетесь ставить? Мне не нравится или нравится то, что вы предлагаете... Хотя он знает, что, кроме поддержки, от меня ничего иного не получал. Попросил сыграть Иволгина в его спектакле, я согласился... Зато когда я спросил, придет ли он на мою премьеру «Страсти по Трочалову», а ведь это опять же его, главного, обязанность, он сказал, улыбаясь: «Но ведь есть же другие страсти, по футболу, например...». И не пришел. Сейчас он обижается, что без него принимались какие-то планы. А что оставалось делать театру? Бездействовать? Будто бы ему стали узки рамки театра... что-то его сковывало... Да ничего, кроме собственного нежелания или неумения!

Наш театр переживает сложный период после ухода Эфроса. Мы попали в трагическую полосу. Нет у нас творческого лидера, как Марк Захаров или Олег Табаков. Каждого, кто к нам приходил, мы поддерживали. Ну не получилось, не состоялось... Зато придумывались разные истории. Что за корысть — специально съездать главного режиссера?! Все мечтают о замечательной жизни... О ролях, о главном режиссере, «отце родном». Кто может быть заинтересован в разрухе? Директор? Чепуха! Жалуюсь, что у тебя сильный директор? Так сам будь сильнее. Не было, чтобы Коган сказал: «Не будет по-вашему, будет по-моему...». Наоборот, поддерживает любую идею, находит деньги на постановку. В нашем театре никогда не было задержек по зарплате. Да, он прижимист, он — экономист, он иногда делает сильные ходы, которые у иных вызывают отрицательные реакции. Вот я заявляю ему, какой спектакль хотел бы ставить. Он вздрогнул. Не скажу пока, какой. Классику. Чехова. Потребуются большие расходы. Но знаю, что сумею его убедить.

...Кстати, тезис самого Сергея Васильевича: если не получилось, скажи об этом честно и уйди. Это он про других так считает. А для самого себя — правила другие?

Директор Илья Коган предлагал ему продолжить играть спектакли на любых условиях, не согласился. Это уже игра амбиций, а не интересы дела. Можно спорить с директором, но доминировать должны интересы театра. Не нужны театру idiotские соревнования: кто сильнее, кто победит? У всех свои грехи, свои недостатки, но нужен диалог, а в случае с Сергеем Васильевичем желания на то не было.

Театр — очень тонкий и сложный институт. Отыскивать виноватого — только мешать анализу. Искусство — вещь жестокая. Да, одно поколение сменяет другое. Один режиссер не похож на другого. Каждый художник сложен по-своему. Но лидером надо родиться. И желая стать таковым, прежде всего спрашивать с самого себя.